
СЛОВАРИ И СЛОВАРНОЕ ДЕЛО В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА

С. И. Николаев

Европейская гуманистическая традиция помещать в книгах посвященные стихи не обошла и лексикографические труды. Во многих словарях XVI–XVII веков найдутся эпиграммы, воздающие должное труду лексикографа или прославляющие родной язык (если это двуязычный словарь). Если же стихи написаны самим составителем, то обычно он сетовал в них на трудности работы и житейские невзгоды. Такова, например, известная эпиграмма Анри Этьенна, помещенная на титульном листе первого тома его «*Thesaurus graecae linguae*» (1572):

Thesauri momento alii ditantque beantque
Et faciunt Croesum, qui prius Irus erat.
At Thesaurus me hic de divite reddit egenum
Et facit ut juvenem ruga senilis aret;
Sed mihi opum levis est, levis est jactura juventae,
Judicio haud levis est si labor iste tuo¹.

---

¹ Цит. по кн.: *Greswell W. P. A View of Early Parisian Greek Press Including the Lives of the Stephani, Notices of Other Contemporary Greek Printers of Paris, and Various Particulars of the Literary and Ecclesiastical History of their Times.* Oxford, 1833. Vol. 2. P. 287. (Перевод: «Одни словари обогащают и дают радость, / И делают Крезом того, кто прежде был Иром. / Этот же тезаурус сделал меня нуждающимся из богатого, / И сделал так, что старческая морщина иссушила юношу. / Но я легко сношу расход, легко сношу и слом юности, / Если по твоему мнению этот труд – не безделица» – перевод А. С. Николаева). Ср.: *Доватур А. И. Этьенны. (Семь филологов-издателей во Франции XVI в.) // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России.* 1997. СПб., 2000. С. 79; *Considine J. Dictionaries in Early Modern Europe: Lexicography and the Making of Heritage.* New York, 2008. P. 93–94.

Почтенная традиция помещать в словарях стихи перешла и в русскую лексикографическую практику, причем перешла в самом прямом смысле слова. Уже в первом напечатанном в Москве словаре – «Лексиконе треязычном» 1704 года – Федор Поликарпов, изложив причины, побудившие его взяться за «новое и необычное» дело и тем самым отстоять достоинство славянского языка, перешел и к защите собственно труда лексикографа:

«А иностранных и между иными преславных сих двух [греческа и латинска] диалектов высоту и широту исследити, сам поношая нас да покусится или поне готовое сие прочести да потщится, идеже узрит едино речение, многа имущо знаменования, и вспак разны вещи единым заключаемы имянованием и тогда познает порицати удобность дела, егоже прежде никогда видел имел, аще бы и умел, и к таковым можно рещи со премудрым.

Ducite vos vultus qui temnitis ista loquentes,
 ex aliis scripsit nos poteramus idem.
 Si poteratis idem cur non fecistis id ipsum,
 haec non fecistem si prius ista forent.
 Scilicet est cultor studiorum quisque suorum,
 quod sapit hoc callet quisque magis que facit.
 Ergo magis sapias magis et facias tua quisquis
 haec toruo vultu despicienda putas.
 Hoc rogosi quiquam novisti rectius istis,
 candidus imperti sinihil ista proba.

Сиречь

Зрите вы семо, иже порицати
 Любите чуждих труды, извещати:
 «Могли бы и мы тожде сотворити
 И лучшу сея книгу сочинити».
 Аще мощно вам, почто не твористе?
 Не бых труд подъял, аще б в деле бысте.
 Но всяк своих дел в корысть бе строитель,
 Что знал, то издал, а сих не любитель.
 Лучше ли веси? где худо – приправи,
 Аще же ни сих, ум свой в сих направи»².

«Премудрого» автора латинских стихов, к сожалению, пока установить не удалось, но прямая связь предисловия Федора Поликарпова с ново-

² Лексикон треязычный. М., 1704. Л. 7–7 об. В. К.Тредиаковский привел это стихотворение в статье «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» (1755), см.: *Тредиаковский В. К.* Избранные произведения. М.; Л., 1963. С. 439.

латинской гуманистической традицией налицо. Эти же соревновательные мотивы защиты своего труда звучат и в предисловии Ивана Максимовича к его рукописному латинско-русскому словарю 1724 г., в работе над которым он использовал, в частности, латинско-польский словарь Григория Кнапского (1621). Описывая сложности своей работы, русский лексикограф говорит: «Да вникнут убо во вся сия ненавистнии чуждаго труда, купно и хвалы охудатели, иже еще плода ума моего не видяще, но точию слухом слышаше в плодотворении сем труждающася мя, не постыдешася в погаждение мое сия произнести слова: “Что великаго или труднаго есть индекс латинский Кнапиев превести по-руску?” Аще не трудно, чесо ради прежде мене сего не твориша, ниже творити помыслиша сами? Да видят и прилежно испытуют сей труд мой: еда по разуму Кнапиеву, с полскаго языка состроенными, или славенскими и российскими самыми едиными толковании сей есть изнаполнен»³.

Иван Максимович, бывший мазепинец, проживавший с 1714 г. в Москве, работал над словарем с 1718 г.⁴ Описывая в предисловии свой «многоскудный и долговременный подвиг», он писал: «Аз настоящему труду чрез шесть лет подлежя, ибо первые три лета на чтении книг, яко выше воспомянух, потом от составления святейшаго Синода, се уже третий год в сочинении сего дела изнуряю и вся дни и вся нощи непрестанно и з самым малейшим иногда плоти упокоением на сие дело иждивая, тяжкими недуги на всяк год одержим бех, паче же сими тремя последними леты. И перваго суффусию, или темную воду очесам случайную, втораго – звук во ушесех, третию – скорбут, или цынготную болезнь теми приснорачительными стяжах себе трудами». В 1722 г. Максимовичу удалось показать свой наполовину готовый словарь Феофану Прокоповичу, «иже сообщил оный всему в собрании святейшему Синоду, и тогда мне согласное соизволение и указ сказал, дабы аз начатое дело восприятым трудом совершити потщался».

Как раз в связи со словарем Максимовича, как представляется, Феофан Прокопович и перевел эпиграмму Иосифа Юста Скалигера (Josephus Justus Scaliger; 1540–1609) “In Lexicorum compilatores, inscriptum Lexico Arabico a se collecto, in Batavis”⁵ под названием «К сложению лексиков»:

---

³ БАН, 32.6.2. Л. XV об.–XVI. Далее предисловие И. Максимовича цитируется по этой рукописи.

⁴ См.: Николаев С. И. Литературные занятия Ивана Максимовича // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 385–399.

⁵ См.: Scaliger I. 1) Poemata omnia. Leiden, 1615. P. 35; 2) Poemata omnia. Berlin, 1864. P. 38.

Если в мучительския осужден кто руки,
ждет бедная голова печали и муки.
Не вели томить его делом кузниц трудных,
ни посылать в тяжкия работы мест рудных.
Пусть лексикси делает: то одно довлеет,
всех мук роды сей один труд в себе имеет⁶.

О трудности составления словаря говорил и В. К. Третьяковский в речи 1735 г. к членам Российского собрания: «Вся трудность состоит в дикционарие. ... великое и трудное дело есть дикционарий, и дикционарий таков, какову ему быть надлежит, то есть полному и совершенному. Однако спрашиваю вас: видали ли вы когда дикционарий на каком языке?.. Вижу, что никто из вас не может отрещися; знаю, что из оных многие вы видали, и на многих языках. Сие самое, мои господа, доказывает ясно, что и дикционарий не выше человеческих сил, а сего с меня и довольно»⁷.

Благодаря очевидным успехам отечественного языкознания, в начале 1770-х гг. в посвяtitельных стихах появляются темы «достоинства», «богатства и изобилия», причем лексикографические стихи не ограничиваются «защитой и прославлением русского языка», но включают и русскую словесность. В 1772 г. выходит «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова. В статье об академическом наборщике Иване Рудакове приведены его «Стихи к “Опыту исторического словаря о российских писателях”»:

Представлен свету здесь мужей разумных род,
Которы принесли России вечный плод;
Не множеством веков, но со времен Петровых
Россия зрит в себе писателей сих новых.
О чудо естества! где есть сему пример?
Уже в толь кратки дни в ней Пиндар и Гомер.
Читая одного, увидишь Цицерона,
В другом Овидия, в ином Анакреона;
Тот вображением вознесся, как Мильтон,
А тот прославился ученьем, как Платон.
В одном обрящещи ты важность всю Маррона,
В другом приятность всю забавного Скаррона,
У коего в стихах резвился сам Эрот,

⁶ Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 224. См.: Николаев С. И. «Лексикографическая» эпиграмма Феофана Прокоповича // Русская речь. 1995. № 5. С. 3–5.

⁷ Третьяковский В. К. Стихотворения. Л., 1935. С. 332.

Дав слову важному шуточный оборот.
Иной, как Боало, там видится в сатире,
Иной, как сам Малгерб, гласит на громкой лире.
Там северный Расин, писателей пример,
В котором видны нам и Кино и Мольер.
Сей первый нам отверз в театр российский двери,
В эклогах глас его, глас нежные свирели;
Во притчах он своих нам зрится, как Фонтен,
Или еще пред ним в сем слоге предпочтен.
Здесь узришь прозою писателей отменных,
Извлечших летопись свою из хлябей темных,
В которых крылася она погребена,
Чрез коих ведомы нам древни времена.
Коль хочешь чувствовать любви златые узы?
Старайся слышать слог российской де ла Сюзы,
В которой оная приятность вся видна.
В России Сафо есть, и Сафо не одна.
Хотя, Россия, ты от солнца удаленна,
Но солнечным лучом ты так же озаренна,
Как самый к оному в Европе ближний край.
Неправо мнят, что быть в тебе не может рай.
Ты так, как прочие страны, любовью таешь,
И тех же ты в себе любимцев муз питаешь,
Которые огнем божественным горят,
И се, Россия, твой прекрасный вертоград!
Который ты всегда доньне орошала;
Потребно, чтоб ты днесь плоды его вкушала
И успокоилась за все твои труды.
Писатели твои суть красные плоды.
Хочу исчислить их; но что я обретаю?
Исчислити их мне не можно: не считаю!
И вместо всех Петра: он солнце их наук.
О звезды росские! Его вы дело рук;
Его старанием вы стали просвещенны,
И им вы стали днесь меж тех мужей вмещенны,
Которых имена в концах земли громят
И коих времена грядущи не затмят.
Но ныне настает вам время к вящей славе;
Распространяйте вы науки в сей державе,

Екатерина им покров, надежда, свет;
Она о них рачит, покоит вас, блюдет.
Но чем же я могу по долгу вас прославить?
Хотел бы я вам столп из мрамора поставить,
Обыкновенная сия для смертных честь,
А вам бессмертную хвалу я тщуся сплесть,
Котора, яко крин эдемский, не увянет
И ваши имена в себе хранити станет⁸.

Исключительно плодовитым автором окказиональных стихотворений во второй половине XVIII века был В. Г. Рубан, не оставивший своим вниманием и словари. В 1776 г. он сочинил «Надпись к Церковному словарю» Петра Алексева (первое его издание вышло в 1773 г., но стихотворение появилось только в 3-ем издании 1815 г.):

Церковных пользу книг, в них важность слова Россов,
Пространно доказал великий Ломоносов,
Стихотворения Российскаго отец,
Оставивший на век витийства образец
Для подражания потомкам просвещенным.
И се! речениям из книг тех извлеченным,
Со изъяснением зрим полный алфавит.
Сим благом общество священный муж дарит,
Ученый свет его за труд сей почитает,
И славу тем себе он память оставляет.

В издании помещена и «Другая надпись к тому же от неизвестного сочинителя»:

Не тщетный вымысел, ни гнусна свойством лесь
Здесь Алексева дает талантам честь;
Но все Российских стран ученыя светила
Гласят, что слов его толк справедлив и сила⁹.

(Несколько приветственных и посвячительных стихотворений в одном издании вполне соответствовали европейской практике.)

---

⁸ Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 346–347.

⁹ Алексеев П. А. Церковный словарь, или Истолкование речений славенских древних, також иноязычных, без перевода положенных в Священном писании и других церковных книгах. Ч. 1. От А до Е. М., 1815. – Надписи напечатаны на листе без пагинации (после с. 298 и перед с. VII).

В 1783 г. Рубан напечатал во второй части «Ботанического подробного словаря...» «Надпись к издаваемому Андреем Казимировичем Мейром Ботаническому Словарю»:

Что славный Турнефорт и славнейший Линней
Для пользы любящих растения людей,
Собрав представили их свойство и природу,
То Мейер Росскому являет здесь народу:
Питомец Марсов он Минервы купно есть,
Безсмертну сим трудом обрящет в свете честь¹⁰.

П. К. Соловьев, прослуживший менее года писарем в Российской Академии, прославляя труды членов Академии в своей «Русской песни достопочтеннейшим господам членам Российской Академии» (1802), не забыл и «Словаря Академии Российской»:

Чтоб силу дать природну слову
И в чистоту его привести,
Словарь – преважную обнову –
России посвящают в честь.
Трудятся, нам чтоб не трудиться,
В кармане, слов ища, не рыться,
Коль мысли объяснить хотим¹¹.

Не пропала из поэзии и тема тягости лексикографического труда. Но этот последний пример скорее трагикомичен и связан с одним из самых бестолковых словарей XVIII века.

В 1780 г. московский священник Иоанн Алексеев приступил к созданию огромного энциклопедического словаря «Пространное поле, обработанное и плодоносное, или Всеобщий исторический оригинальный словарь», который должен был состоять из 12 томов и охватывать сведения естественнонаучного, исторического и географического характера. В 1792 г. первые два тома были отданы в типографию Московского университета и вышли из печати в 1793–1794 гг. Всего в объемистом издании (ок. 2000 страниц в двух томах) помещено 872 словарных статьи только на буквы «А» и «Б». После выхода этих томов издание остановилось, как писал позднее Алексеев, «не за недостатком потребных к тому веществ, но

---

¹⁰ Мейер А. К. Ботанической подробной словарь, или Травник <...>. Ч. 2. М., 1783. – Надпись напечатана на листе без пагинации (в начале книги, после посвящения и обращения «К читателю»).

¹¹ Кукушкина Е. Д. Писарь П. К. Соловьев о «Словаре Академии Российской» // Н. А. Львов и его современники: литераторы, люди искусства. СПб., 2002. С. 108.

нужного к напечатанию иждивения, по малому числу подписавшихся»; продолжению издания не помогли и прошения на высочайшее имя¹². Неудача словаря объяснялась неполным и иногда случайным словником, ненаучным и велеречивым стилем изложения, обилием досужих вымыслов и непроверенных фактов, взятых из вторых рук.

Сразу после восшествия на престол Александра I Алексеев в апреле 1801 г. подал на его имя просьбу издать продолжение «Пространного поля» на казенный счет в качестве учебного пособия для народных училищ. Московские цензоры Д. Х. Стратиневич и А. А. Антонский, ознакомившись с вышедшими томами, пришли к выводу, что назвать «Пространное поле» учебной книгой «кажется им против совести». После такого решения Алексеев в 1801–1803 гг. обращался с аналогичными неоднократными просьбами к разным сановникам (Д. П. Троицкому, М. Н. Муравьеву, В. П. Кочубею и трижды к министру народного просвещения П. В. Завадовскому), но безрезультатно. В мае 1803 г. Алексеев опять подал прошение на имя Александра I, теперь в стихах:

Всеавгустейший царь российский земли,
Сердечный вопль к тебе, плачевный глас внемли!
По разным я церквам переводим бываю,
Седьмое место уж сверх воли занимаю;
С женою и с детьми смертельно поражен,
Именья и жены, и здравия лишен.
В приходах разных был, в соборе и домовым,
Кладбищным и опять попом приходским новым,
Однако ж дому нет, а церковь хочет пасть,
В чужих домах живу, боюсь, чтоб не пропасть.
Так стражду целый век, терпеть не можно боле,
За то, что сочинил словарь Пространно поле!
С осмидесятого я года стал писать,
По двух и десяти отдал его в печать,
Безвинно и до днесь терплю несчастну долю,
Чтоб был не тщетен труд, яви монаршу волю!
На пользу труд и все дают ему ту честь,
Да одобрение твоих и предков есть,
В число монарших книг внести благоволили,
Вели кончать, чему начало сотворили!

¹² Цит. по прошениям Иоанна Алексеева: РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 116, № 63926; ч. 118, № 65202.

О чем тебя, монарх, дерзаю я просить,
Министрам двум писал, благоволи спросить.
На всеподданнейшее сие мое прошение
Всевожделеннейшее послы твое решенье!
Се! На главу твою Бог возложил венец,
И ты отрада всем, отечества отец!¹³

В сентябре 1803 г. Алексеев обратился с жалобой на Министерство народного просвещения к министру юстиции Г. Р. Державину. Жалоба возымела действие, и по поручению П. В. Завадовского вышедшие тома «Пространного поля» были переданы на отзыв в Российскую академию. В ноябре 1803 г. президент Российской академии А. А. Нартов представил Завадовскому мнения о «Пространном поле» И. И. Красовского, А. С. Никольского, А. Ф. Севастьянова, П. Б. Иноходцева и В. М. Севергина, добавив от себя, что «многие статьи пустословием и грубыми погрешностями исполнены, и потому они скорее ввергнут в вящее заблуждение, нежели просветить людей малоопытных могут», а также что «в сочинении сем не соблюдена даже и надлежащая разборчивость». Мнение членов Академии было единодушно: Алексеев из-за «излишнего велеречия» (П. Б. Иноходцев) и «грубого в науке невежества» (А. Ф. Севастьянов) «трудом своим более может привести в заблуждение, нежели доставить настоящее поучение и пользу», т. к. «сочинение его не только написано неясным и невразумительным слогом, но и содержит в себе неполные и даже ложные понятия о тех вещах, кои описывает» (В. М. Севергин). На основании этих отзывов Алексееву было отказано в издании «Пространного поля» на казенный счет¹⁴.

История словарного дела в русской поэзии XVIII века не очень богата и не очень ярка, неудивительно, что она канула в Лету. Но есть одно исключение. Эпиграмме Иосифа Скалигера, переведенной Феофаном Прокоповичем, была уготована совсем другая судьба. Впервые она была напечатана в 1769 г. К. А. Кондратовичем¹⁵, второй раз – сто лет спустя И. А. Чистовичем¹⁶, а затем попала в сборник «Вирши» (1935)¹⁷ и печата-

¹³ РГИА, ф. 733, оп. 118, № 24. Л. 6–6 об.

¹⁴ См. переписку по этому делу и отзывы членов Российской академии: РГИА, ф. 733, оп. 118, № 24; Сочинения и переводы, издаваемые Российскою Академиею. СПб., 1813. Ч. 6. С. 11–35; Описание дел Архива Министерства народного просвещения. Пг., 1921. Т. 2. С. 45–46.

¹⁵ См.: Кондратович К. Старик молодой. СПб., 1769. Ч. 3. С. 49.

¹⁶ См.: Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 601.

¹⁷ Вирши: Силлабическая поэзия XVII–XVIII веков. Л., 1935. С. 181.

лась в разных подборках его стихотворений, причем во всех этих публикациях автором латинского стихотворения назывался не Иосиф Скалигер, а его отец, Юлий Цезарь Скалигер (1484–1558). И. Н. Розанов, автор предисловия к сборнику «Вирши», указал ее академику Л. В. Щербе, который писал в предисловии ко 2-му изданию «Русско-французского словаря»: «В заключение не могу не подчеркнуть, что словарное дело исключительное трудное дело; это прекрасно понимали и творцы западноевропейской науки в XVI веке и зачинатели нашего современного литературного языка в начале XVIII столетия, как об этом свидетельствует следующий замечательный перевод Феофана Прокоповича интереснейшего стихотворения Скалигера»¹⁸ и далее привел текст эпитагмы. Все последующие переиздания словаря включают эту эпитагму (последнее издание – 15-е, 1997). Дважды предисловие перепечатывалось и в избранных трудах Л. В. Щербы¹⁹. Эпитагму Феофана Прокоповича цитирует Л. В. Успенский в своей популярной книге «Слово о словах»²⁰, которая перепечатывалась огромными тиражами несколько раз. А В. П. Берков завершил свой учебник «Двуязычная лексикография» (1996; 2 издания) Приложением «О лексикографическом труде», где писал: «Тем, кто посвятил или решил посвятить себя лексикографическому труду, полезно знать стихотворение голландца Иосифа Юстуса Скалигера, профессора Лейденского университета, выдающегося специалиста по классическим языкам. Стихотворение это написано Скалигером по-латыни и переведено на русский язык Феофаном Прокоповичем»²¹ и далее приведен текст эпитагмы, завершающий учебник. Удивительная судьба эпитагмы Феофана Прокоповича, целое столетие сопровождающей отечественные лексикографические работы, с лихвой искупает скудость русской словарной поэзии XVIII века, а во многом и повторяет судьбу оригинальной эпитагмы Скалигера²².

---

¹⁸ Щерба Л. В., Матусевич М. И. Русско-французский словарь. М., 1939. С. 7.

¹⁹ См.: Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 312. (2-е изд. М., 2004).

²⁰ См.: Успенский Л. В. Слово о словах (Очерки о языке). М., 1960. С. 185.

²¹ Берков В. П. Двуязычная лексикография: Учебник. СПб., 1996. С. 245. (2-е издание: М., 2004).

²² И в западноевропейской лексикографии эпитагма Скалигера часто сопровождает издания словарей, см., например: *Gesenius W. Hebräisches und aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament.* Leipzig, Vogel, 1910. – В этом издании словаря (15-м!) эпитагма напечатана на обороте титульного листа.